

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 143

27 FEVRIER 1948

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам 4-й ГОД ИЗДАНИЯ
quatrième Année Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

20 frs

РЕДАКТОР А. Ф. СТУПНИЦКИЙ Адрес Редакции и Конторы : 203, rue St Honoré — PARIS I. TEL.: OPERA 01-93 Rédacteur en chef A. Sloupnitzky

ГЕОРГИЙ

АДАМОВИЧ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ЗАМЕТКИ

Новая книга о Чехове

Из 3 больших писателей Чехов пожалуй — наименее ясный, в духовном смысле наименее отчетливый. Во что он верил? Да и верил ли во что-нибудь? Чего он ждал? О чем мечтал и думал? При некоторой опытности и ловкости критику не трудно истолковать Чехова как угрюмо и на старый традиционный вопрос «что писатель хотел в своем творчестве сказать?» — дать любой ответ. Михайловский вздыхал и скорбел о «безыдейности» Чехова. Лев Шестов — в замечательной статье, поистине представляющей собой украшение русской критической литературы — пришел к совершенно иным познаниям к выводу схожему: Чехов, по его мнению, «творил из ничего» — и ни о чем.

Позднее, в частности под влиянием Горького, начались попытки признать Чехову черты менее оригинальные и зачислить его «в прогрессивный лагерь», в качестве одного из самых убежденных и стойких представителей этого лагеря. В. Фомин, после кропотливого анализа чеховских писаний, установил, что он по настроению был близок к калетам. Совсем недавно вышло в Москве обстоятельное исследование В. Едмилова, где Чехов представлен проводником и провозвестником коммунизма. Чехов был, будто бы, «гениальным создателем новой великой демократической литературы» и мыслителем, «ука-завшим нашей родине ее великое, светлое будущее». Утверждения эти не вполне голословны. Едмилов приводит цитаты, делает ссылки, — совершенно так же, как в свое время делал их Михайловский.

Кто же прав? Сдается ли признать, что истина находится по середине, как это нередко случается? С риском оказаться в том же положении, как и все высказывавшиеся о Чехове и незаметно для себя табуирующие его в свою сторону решусь сказать, что и те и другие, а в особенности идейно-политические мерки к Чехову не применимы. Это был художник, вглядевшийся в жизнь с редкой пылкостью и доверием, и какие бы случайные суждения ни приходилось ему высказывать, основной его потребностью, основным стремлением было отражение жизни во всей ее полноте и бесконечной противоречивости.

Конечно, подобно всякому живому человеку Чехов имел какие-то «взгляды». Как же могло быть иначе? По всей вероятности, мещинское образование наложило отпечаток на его умственный склад. — Хотя из чеховского замечания о том, что «вне материи ничего нет» мы едва ли вправе делать вывод о его «законченном, неоконченном материализме».

Чехов даже по внешности был типичным русским интеллигентом конца прошлого века: бороздка, пенсне, шляпа со слегка волнистыми полями... Его общий образ мыслей, его влечения и отталкивания можно по этой внешности почти безошибочно угадать. Но своеобразие его начиналось там, где кончалась его связь со средой. — там, где он был гораздо ближе к Пушкину или раннему Льву Толстому, нежели к любому из вождей тогдашнего «прогрессивного лагеря». Едмилов настойчиво говорит о внутреннем родстве Чехова с Маяковским. Попытка сблизить эти два имени смела до крайности, но и мало убедительна. Маяковский! От какой строчки его, со всем, что есть в них громадного и декламационного. Чехова вероятно коробило бы то боги. Все схематическое было ему чуждо. Едмилов как бы превращает сложный, вольный и прихотливый взор чеховского духовного облика в правильную геометрическую фигуру, и при этом неизбежно обесцвечивает и упрощает его. Что цитаты, выдержки из писем и разговоров? Писатель — не в них, а в том целом, что представляют собою его книги, и Чехов менее всего склонен был к каким бы то ни было ярлыкам, помогающим более или менее успешно разобратся в бытии. В утверждении этом нет ни осуждения, ни возвеличения его. Достоевский, например, ярлыки любил, а был писателем гениальным. Чехов глядел на мир, и рассказывал лишь о том, каков он, этот мир: без прикрас, без предвзятых мыслей или требований. Оттого Чехов так и правдив.

«Тя ест траву, бжа ест железо, а джа — лушу». — говорит один из его героев. Слова эти можно было бы поставить эпиграфом ко всем его сочинениям.

А книга Едмилова, все же, очень интересна. В ней много фактов, и есть кое-какие новые сведения о семье Чехова, о его детстве и ранней юности. Замечательно, например, письмо шестнадцатилетнего Антоша к младшему брату:

«Не нравится мне — зачем ты величаешь особу свою ничтожным и незаметным братишкой. Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, быть одинаковыми. Сведи людей нужно сознавать свое достоинство. Вель ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного, малого и знай, что честный малый не ничтожен. Не смешивай смирения с сознанием своего ничтожества».

Замечательны и литературные советы, которые Антоша дает младшему своему брату.

Есть, однако, часть чеховского наследия, о котором до сих пор мало было сказано и которым лишь мимоходом касается Едмилов. Это — его письма к жене О. Л. Книппер, обнадолванные много лет тому назад.

Нет ли в этих письмах психологической загадки? Как мог человек, столь исключительно чуткий ко всякой фальши, впасть в этих письмах в тон болезненно-лживый, неестественно-шутливый, дежурный слух еще и теперь? Когда то эти письма были сравнены с письмами Пушкина к жене. Но вель письма Пушкина к Наталье Николаевне — поллинее чуло,

такое же как и его стихи, такое же драгоценное, единственное, свободное, чистое, хочется сказать, божественное! А Чехов остыл, посмеивается — «актриса, актриса!» — и как будто сам не знает от смущения, какое ему еще колено выкинуть... Не в том ли объяснение, что коснувшись театрального мира, а вместе с ним и всего что с театром, увл. повсюду, на всем свете связано, он и сам потянулся фальши? Не разгадка ли в ней, в женщине, писавшей ему вместо «дорогой Антон Павлович» или чего-либо в том же обычном духе, — «сильный мой человек»? Одно письмо О. Л. Книппер так и начинается: «Сильный мой человек»... Чехов очень

любил жену. Но мог ли он не поморщиться, прочтя такое обращение? Да и мальше: если что нибудь в чеховских писаниях начинает стареть и вянуть, то вель это именно его пьесы, с их лиризмом, говоряло более откровенным, подчеркнутым и наивным, чем лиризм его повестей и рассказов. Не театр ли и тут виной? Не уступил ли Чехов воздействию театральной среды?

Обо всем этом когда-то вскользь говорил Бунин. Он хорошо знал Чехова. Со своей острой ненавистью ко всему что Чехов называл «лжой» — он один еще мог бы в наши дни ответить на эти сомнения и недоумения.